

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ (Москва)

АТРИБУТИВНАЯ И НЕАТРИБУТИВНАЯ ФОРМЫ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО 'ДВА'

Разновременные и разнохарактерные связи угорских и самодийских языков обусловили возникновение ряда параллелей в соответствующих языковых системах — параллелей столь многочисленных и глубоких, что они позволяют констатировать бóльшую близость самодийских языков угорским, нежели какой-либо другой из финно-угорских групп, и даже выделить особую восточноуральскую (угорско-самодийскую) языковую зону (Lewy 1961; Серебренников 1957 : 5—8). Несмотря на обширную литературу, фактологическая сторона проблемы угорско-самодийских связей представляется далеко еще не исчерпанной. Рассмотрению одного достаточно показательного проявления таких связей посвящена данная статья.

В своем перечне отличительных черт угорских языков Д. Дечи отмечает такую их особенность, как наличие у числительного 'два' двух форм — атрибутивной и предикативной (Décsy 1965 : 169). (Поскольку эта вторая форма используется не только в функции сказуемого, но и во всех тех случаях, когда числительное не является количественным определением, более удачным нам кажется обозначение этой формы как «неатрибутивной» — см. DEWOS : 696, а не как «предикативной» или «субстантивной» — см. MSzFE : 360.) В обско-угорских языках неатрибутивная форма морфологически сложнее атрибутивной и содержит дополнительно показатель двойственного числа, в некоторых диалектах фонетически модифицированный: манс. Szo. *kitiy* (неатр.) и *kit* (атр.), Тj. *ki-tü* и *kit*, АК *kitäy* и *kit*, Р. *kitgy* и *kit*, АL *kitš* и *kit*; хант. V. Vj. *kätkən* и *kät*, DN. *kävən* и *kät*, Trj. *kätən* и *kät*, Ni. *kätyn* и *kät*, О. *kätyn* и *kät*, Kaz. *kätyn* и *kät* (MSzFE : 360). Рефлекс того же показателя двойственности содержит и венг. *kettő* (неатр.) при *két* (атр.), где *-ő* < **-šk* (MSzFE : 361). Противопоставление указанных двух форм присуще в угорских языках только числительному 'два' и включающим его сложным или составным числительным (манс. диал. *wat nopəl kitiy* и *wat nopəl kit* 'двадцать два', хант. диал. *jöyərki kätkən* и *jöyərki kät* 'двенадцать', венг. *tizenkettő* и *tizenkét* то же).¹

¹ В сосвинском диалекте мансийского языка различаются также две формы числительных 'один' и 'три': *akwa*, *xürum* (неатр.) и *akw*, *xürm* (атр.) (Ромбандеева 1973 : 91). Характер морфологической оппозиции здесь, однако, совершенно иной, и обусловлена она редукцией атрибутивной формы в условиях тесного примыкания к определяемому слову.

Обособляя угорские языки на финно-угорском фоне, рассматриваемая морфолого-синтаксическая особенность сближает их, однако, с языками самодийской ветви. Самодийские данные не столь единообразны, как угорские, и нуждаются потому в более подробном освещении.

Наиболее очевидны и сходны с угорскими данные селькупского языка. В тазовском диалекте «дв. число от *šitt̄* 'два' — *šitt̄æqi* используется только в самостоятельном положении (т. е. не будучи поставлено в положение определения имени предмета, число которого указывается)» (Прокофьев 1935 : 94), ср. *mat šitti št̄ap qessap* 'Я двух оленей убил', но *mat šitt̄äq̄ip qessap* 'Я двоих убил'; *šitti qumōqi mōtti šernōqi* 'Два человека в чум вошли', но *šitt̄äqi mōtti šernōqi* 'Двое в чум вошли' (примеры из материалов Селькупской экспедиции МГУ). По две формы числительного 'два', одна из которых характеризуется показателем двойственного числа, зафиксированы и в других селькупских диалектах: N *šede* и *šedeag, š̄deag*; K *sitte* и *sitteaq̄i, sitteak̄ke*; Tsch. *sēdä* и *sedeāq̄ai* (Castrén, Lehtisalo 1960 : 92). Синтаксическое различие в их употреблении хорошо иллюстрирует отрывок из текста: *š̄de gum ānda, nāgur čem̄ña neq̄a, tiegannag š̄deag kueda nbage, tiegannak š̄deag kontage* 'Zwei Menschen sitzen, drei Brüder stehen, jene zwei sind böse, jene zwei legten sich schlafen' (Castrén 1855 : 341).

В других самодийских языках столь четкая формальная дифференциация атрибутивного и самостоятельного употребления числительного 'два' отсутствует. Характерно, однако, что в ненецком языке *šida* 'два' может оформляться показателем дв. ч.: *šidaq̄a*. Употребление последней формы характеризуют следующие примеры: U *lūce māntawa «tēdam̄in_pā' opōi š̄ideq̄a»* 'der Russe sagt «Gib mir ein Renntier, eins oder zwei»' (Lehtisalo 1956 : 448); *сидяха' помңа нэсь* 'быть глуповатым, полоумным, помешанным (букв. находиться между двумя)'; *сидяха' помңа хэсь* 'стать глуповатым, полоумным, помешанным (букв. пойти между двумя)'; *вэсэйманда сер' сидяха' помңа хая* 'к старости он стал глуповатым' (Терещенко 1965 : 558). Ср., однако, возможность неатрибутивного употребления формы *šida* : *Сидя хэрнэрңаха*», *няби һади, няби ни һадию* "Двое шумят, один виден, другой не виден' (Терещенко 1973 : 126). Из примеров можно заключить, что *šidaq̄a* является маркированной формой и может употребляться только неатрибутивно, тогда как немаркированная форма *šida* выступает в обеих функциях.

Следы неатрибутивной формы числительного 'два', осложненной показателем дв. ч., имеются, по-видимому, и в камасинском языке. На основании ряда падежных форм местоимения *dəš̄əde* 'они (Du.)' А. Кюннар реконструирует форму дв. ч. числительного 'два' в виде **šidēḡ*, сопоставляя ее с сельк. *šittep* (= *šitt̄äqi*) (Künnap 1971 : 28). Уже сам факт вхождения этой формы вторым компонентом в состав личного местоимения (латив *dəš̄idēḡəde*, локатив *dəš̄idēḡəḡan*, аблатив *dəš̄idēḡəḡe*) говорит в пользу предположения о ее исходном неатрибутивном употреблении. Кроме того, вероятно идентичность этой реконструированной формы и собирательного числительного 'оба, двое, вдвоем': (Castrén) *šideḡö*, (Donner) *šidōḡö*, *šidegu*. Отождествлению препятствует наличие форманта *-gō ~ -go ~ -γo* у других собирательных числительных: (Castrén) *nāgurgo, thēdeḡö, sumnaq̄o, muktugo, bie'dḡö*, (Donner) *nāγurγo, sumnaq̄o* (Castrén 1854 : 202; Donner 1944 : 137).

Можно, однако, думать, что первоначально этот формант — этимологически показатель дв. ч. — содержался только в слове 'оба; двое'; но затем распространился по аналогии на весь ряд собирательных числительных (альтернативная — на наш взгляд, довольно спорная — этимология предложена П. Хайду: *-go, -gö* < ур. латив **-k*, см. Hajdú 1961 : 128). Аналогическому обобщению могло способствовать затемнение значения двойственности у *-gö ~ -go ~ -γo* ввиду исчезновения этого показателя из именной парадигмы: дв. ч. существительных представлено в камасинском материале единственным примером *kaγāzəgəj* 'два брата' (Küппар 1971 : 18 и сл.), где мы имеем, по-видимому, дело с лексикализовавшейся формой прежней парадигмы, сохраненной благодаря семантической специфичности образований с т. н. взаимно-соединительным суффиксом. Впрочем, в новейших камасинских материалах мы находим рассматриваемый формант во фразах *a_mĩ šėdō·gu mā:tu'p'ivā·* 'А мы двое остались'; *a_mĩ šidō·gū mā'nan amnō:ta'p'i·-bar* 'А мы двое дома сидели (ведь)' (Küппар 1976a : 117, 125), но не обнаруживаем в *a_dēze·η_bar suñnā· šō:bi'ī·* 'А они (ведь) пятеро пришли' (Küппар 1976b : 133). Эти примеры можно расценивать или как реликт состояния, предшествовавшего обобщению форманта *-gö ~ -go ~ -γo* на все собирательные числительные, или — скорее — как свидетельство распада данного разряда числительных, идущего в направлении, противоположном пути его формирования (дольше всего формант сохраняется в слове 'двое').

Совокупность рассмотренных фактов самодийских языков дает основание для реконструкции самод. **kitekəj* (неатр.) в отличие от **kite* (атр.). Ср. принципиально сходную (с отличиями в деталях фонетики и семантики) реконструкцию Ю. Янхунена: **kitā 'zwei* — **kitākə(-)* id. (koll.), 'beide' (Janhunen 1977 : 71).

Рассмотренная угорско-самодийская параллель сводится к двум основным моментам: 1) наличие неатрибутивной формы у числительного 'два', но не у остальных числительных первого десятка; 2) образование ее посредством оформления атрибутивной формы показателем дв. ч. (который выделяется на синхронном уровне или путем этимологического анализа).

Данные других, уральских и неуральских, языков указывают на весьма специфический характер этого явления.

В финно-пермских языках различение форм числительного 'два' отсутствует. Исключение составляет марийский язык, где, однако, краткая (атрибутивная) и полная (неатрибутивная) формы противопоставлены у всех числительных: марГ *ik* и *iktā* 'один', *kok* и *koktā* 'два', *kām* и *kāmāt* 'три' и т. д., и суффикс полных форм предположительно возводится к суффиксу порядковых числительных (Основы 1976 : 56). В саамском языке, в котором — как и в угорских и самодийских языках — сохранено прауральское категориальное значение дв. ч., сочетание числительного 'два' с показателем дв. ч. не встречается.

Заслуживает упоминания наличие особых неатрибутивных форм числительных в диалекте западносибирских татар (в Тюменской и Омской областях, т. е. на территории, смежной с обско-угорским и самодийским языковыми ареалами): *икке* 'два', *алты* 'шесть', *унны* 'десять' при атрибутивных формах *ик*, *алты*, *ун* (Ахатов 1963 : 77—78). Однако формы с геминацией согласного представлены, хотя и не столь систематически, во многих тюркских языках и возводятся к тюркскому праязыку (Щербак 1977 : 139—140). Из других языков, территориально смежных с угорскими и самодийскими, оппозиция «предикативных» и

атрибутивных форм свойственна кетскому; в нем числительные от 'один' до 'пять' образуют свои предикативные формы при помощи лично-родовых аффиксов, а числительные начиная с 'шесть' присоединяют аффикс *-s*, связанный, по А. П. Дульзону, с глаголом бытия (Дульзон 1968 : 124). В юкагирском языке синтаксические формы всех числительных различаются за счет морфологических средств трансформации одной части речи в другую (Крейнович 1958). Что же касается оформления числительного 'два' показателем дв. ч., то ни в уральских языках (помимо угорских и самодийских), ни в других языках региона такое явление на синхронном уровне не наблюдается, хотя исторически формант дв. ч. присутствует, по-видимому, в праформах этого числительного для ряда языковых семей (Эрнитс 1975 : 161—162).

Таким образом, в тех — сравнительно немногих — из генетически или территориально близких языков, где атрибутивная и неатрибутивная формы противопоставлены, они имеются не только у числительного 'два' и различаются не за счет числовых показателей. В связи с этим можно исключить возможность того, что исследуемое явление в угорских и самодийских языках возникло независимо или отражает общую черту какого-то более широкого языкового ареала.

Появление неатрибутивной формы относится, бесспорно, к периоду, предшествовавшему распаду как самодийского, так и угорского праязыков. Допустимо предположить, что она восходит к форме типа **käktä-kä*, получившей распространение в восточной зоне прауральских диалектов, и тем самым отражает угорско-самодийскую изоглоссу ареально-генетического происхождения (см. Хелимский 1978, 1979). Следует, однако, учитывать, что в данном случае мы имеем дело с параллелью в первую очередь структурного характера (материальное тождество манс. *kiljy*, хант. *kätkän*, венг. *kettő*, сам. **kitekāj* основано на построении всех этих неатрибутивных форм из этимологически тождественных компонентов, восходящих к ур. **käktä* 'два' и показателю дв. ч. **-ka/-kä*); соответствующая структурная модель, если она возникла уже после обособления угорского и самодийского праязыков, могла быть заимствована в том или другом направлении в результате продолжения тесных контактов.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахатов Г. Х. 1963, Диалект западносибирских татар, Уфа.
 Дульзон А. П. 1968, Кетский язык, Томск.
 Крейнович Е. А. 1958, Юкагирский язык, Москва—Ленинград.
 Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, 1976, Москва.
 Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупская (остяко-самоедская) грамматика, Ленинград.
 Ромбандеева Е. И. 1973, Мансийский (вогульский) язык, Москва.
 Серебрянников Б. А. 1957, Теория волн Иоганна Шмидта и явления языковой аттракции. — ВЯ 4, 3—15.
 Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
 — 1973, Синтаксис самодийских языков, Ленинград.
 Хелимский Е. А. 1978, Проблема интерпретации угорско-самодийских и других межгрупповых изоглосс в прауральской реконструкции. — Конференция «Проблемы реконструкции» (Тезисы докладов), Москва, 46—48.
 — 1979, Ареальные связи доугорских и досамодийских диалектов уральского праязыка. — Вопросы финно-угроведения I. Языкознание, Сыктывкар, 114.
 Щербак А. М. 1977, Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя), Ленинград.
 Эрнитс Э. 1975, О происхождении ф.-у. **kVkiV* 'два' с учетом типов развития числительных 'два' в разных языках. — СФУ XI, 159—162.
 Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
 — 1855, Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen, St. Petersburg.
 Castrén, M. A., Lehtisalo, T. 1960, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki (MSFOu CXXII).

- Décsy, Gy. 1965, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden.
- Donner, K. 1944, Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik, bearb. und hrsg. von A. J. Joki, Helsinki (LSFU VIII).
- Hajdú P. 1961, Lativus és infinitivus kapcsolata a szamojédban. — In memoriam G. Mészöly, Szeged, 119—131.
- Janhunen, J. 1977, Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien, Helsinki (Castrenianum in toimitteita XVII).
- Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu CXLVII).
- 1976a, Kamassilaisia tekstejä I. — Fenno-ugristica II, Tartu (TRÜT 382).
- 1976b, Kamassilaisia tekstejä II. — Fenno-ugristica III, Tartu (TRÜT 397).
- Lehtisalo, T. 1956, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU XIII).
- Lewy, E. 1961, Eine Bemerkung zur systematischen Charakteristik der finnisch-ugrischen Sprachen. — E. Lewy, Kleine Schriften, Berlin, 378—381.

E. A. HELIMSKI (Moscow)

ATTRIBUTIVE AND NON-ATTRIBUTIVE FORMS OF THE NUMERAL 'TWO'

Both Ugric and Samoyedic languages possess special non-attributive forms of the numeral 'two' built according to the same structural pattern: the attributive form (**käktä*) plus the dual suffix (**-ka/-kä*). The pattern has no analogies in related or contiguous languages; the possibilities of accounting for the rise of this Ugric-Samoyedic isoglotic phenomenon are discussed.